

ЛАВКА ВРЕМЕНИ

The image is a vertical poster. At the top, the title 'ЛАВКА ВРЕМЕНИ' is written in a golden, serif font. Below the title, a woman's silhouette is shown in profile, facing right. She is holding a large, glowing hourglass in her outstretched hand. The hourglass she holds is filled with golden sand and is surrounded by a bright, swirling trail of golden light and particles. In the background, a dark blue night sky is filled with stars and numerous smaller, floating hourglasses of various sizes. Some of these hourglasses are also glowing. The overall color palette is dominated by deep blues, purples, and bright golds, creating a magical and ethereal atmosphere.

АСКЕР БАТИЦКИЙ

Аскер Батицкий

Лавка времени

<https://litres.ru/74476574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира — иллюстратор, которой не хватает времени. Дедлайн горит, обложка мёртвая, вдохновение исчезло. В ночном переулке Нижнего Новгорода она находит лавку, где старик обменивает воспоминания на то, чего тебе не хватает: фокус, смелость, вдохновение.

Первая сделка кажется безобидной — один забытый вечер за три дня идеальной работы. Но с каждой новой покупкой Кира пустеет: рисунки становятся безупречными и мёртвыми, чувства тускнеют, а вместо отданных воспоминаний растёт тишина.

А потом она узнаёт, что стёртое не исчезает. Оно перекидывается — в чужие жизни, в чужие головы. И каждый обмен рвёт нити, связывающие людей.

Чтобы вернуть всё, Кира должна совершить последнюю сделку. И заплатить тем, чего у неё ещё нет.

Аскер Батицкий

Лавка времени

Глава 1. Песочные часы

Кира терпеть не могла фразу «нужно было ещё вчера». Особенно когда её присылали в 23:12.

Она сидела на кухне, обхватив ладонями кружку с давно остывшим кофе. На столе

лежал телефон, экран которого будто специально подсвечивал непрочитанное

сообщение от Артёма: «Кир, слушай, тут клиент очень крутой, очень нервный, и ему нужно вчера».

«Вчера» означало «сегодня». А «сегодня» означало «сейчас».

Кира посмотрела на ноутбук, приоткрытый на краю стола. На экране висел макет

обложки — почти готовый, но без той самой искры. Без того, что цепляет взгляд и не

отпускает. Линии были ровные, цвета — в палитре, композиция — по всем правилам.

Но это была просто картинка. Не история.

Она знала, что способна на большее. Где-то внутри неё сидело то самое чувство —

когда рука сама знает, куда повести линию, когда цвет не выбираешь, а чувствуешь,

когда картина дышит. Но сейчас это чувство было глубоко. Как колодец, в который

бросили камень и ждёшь всплеска, а его всё нет.

Кира допила кофе. Оно было горьким и холодным, и от этого казалось ещё противнее.

Она встала, прошла в комнату. Квартира была маленькой: два шага — и ты у окна,

ещё два — и снова у кухни. Ходить по ней, чтобы прогнать усталость, было

бесполезно, но Кира ходила. Взад-вперёд. Как маятник, у которого сбился ритм.

На подоконнике лежала папка с эскизами — карандашными, быстрыми, живыми. Она

их делала две недели назад, когда только получила заказ. Тогда ей казалось, что

обложка выйдет из неё легко, как песня. Что она нарисует её за вечер, даже не напрягаясь.

Но потом началось обычное: правки от Артёма («клиент хочет чуть поярче, но не

слишком»), сомнения («а может, не то? а может, начать заново?»), бессонные ночи,

чай, который она забывала пить и находила утром — остывший, с плёнкой на

поверхности.

И вот теперь — дедлайн. Завтра. А обложка мёртвая.

— Мне нужно время, — прошептала Кира, будто город за окном мог её услышать. —

Хоть три дня. Хоть три часа.

Город не ответил. Только где-то внизу хлопнула дверь подъезда, звук поднялся по

шахте, рассыпался эхом по лестничным клеткам и затих.

Потом — тишина. Такая

плотная, что Кира слышала, как гудит холодильник на кухне, как тикают настенные

часы в коридоре, как скрипит половица под её ногой, когда она проходит мимо двери.

Она посмотрела на часы. 00:17.

Ночь. Город спал. Даже фонари, казалось, спали — горели, но как-то вяло, будто их

свет тоже был на исходе.

Кира накинула джинсовку — ту самую, в карманы которой вечно всё проваливалось, —

сунула ноги в кеды, схватила ключи. Не потому что знала, куда идёт. А потому что

сидеть в четырёх стенах было страшнее, чем выйти в холодную темноту. Если она

останется здесь, она уснёт. А утром проснётся с мыслью «я всё провалила» и будет

сидеть перед экраном, глядя на мёртвую обложку и нена-

видя себя.

Улица встретила её ветром. Он тянул с Волги, пробирався по переулкам, шевелил листья на старых клёнах, гнал по асфальту обрывки бумаги и пустые стаканчики.

Большая Покровская в этот час была почти пуста. Редкие фонари горели жёлтым, и их свет ложился на мокрый асфальт, как разлитый мёд. Где-то вдалеке проехало такси — единственная живая точка в спящем городе.

Кира шла вниз, к Ильинской. Туда, где улицы становились уже, дома — старше, а тишина — гуще. Двухэтажки с облупившейся штукатуркой стояли плечом к плечу, как старые друзья, которые давно всё друг другу сказали и теперь просто молчали вместе.

Тени лежали глубокие, и в них можно было разглядеть что угодно: кошку, велосипед, старую вывеску. А можно — ничего.

Она не искала ничего конкретного. Просто шла, слушая, как шаги отбиваются от стен и растворяются в темноте. Как эхо, которое не знает, куда вернуться.

А потом она увидела вывеску.

Сначала Кира подумала, что это игра света. Или усталость. Или тень легла так, что

нарисовала буквы. Она даже моргнула — раз, два — но буквы не исчезали. Они

висели над дверью в узком переулке, будто всегда там были, а она просто никогда не смотрела в эту сторону.

«Лавка Времени».

Вывеска была из тёмного дерева, с латунными буквами. Над ней тускло светился

янтарный фонарь — тёплый, почти домашний, будто приглашал зайти и погреться.

Кира остановилась. Ветер стих, будто тоже решил посмотреть.

До этого момента она бы прошла мимо. Даже не заметила бы. Но сейчас она

остановилась. Потому что ей отчаянно нужно было время.

Она колебалась. Стояла на тротуаре, смотрела на дверь и думала: «Это же просто

лавка. Старая лавка в переулке. Может, антикварная. Может, ремонтная. Может, уже

давно закрытая». Но ноги сами несли её к двери, и рука сама потянулась к ручке.

Дверь открылась сама. Или её открыл сквозняк. Или кто-то внутри ждал.

Внутри было темно, но не полностью. Где-то в глубине мерцал свет, будто горела

свеча за стеклом. И от этого света всё внутри казалось тёп-

лым: воздух, стены, даже

запах — старого дерева, пыли и чего-то ещё, чему Кира не могла дать названия.

Что-то между корицей и дождём.

Полки тянулись вдоль стен, и на них стояли сотни песочных часов. Стеклянные,

деревянные, металлические. С песком разного цвета: белым, как соль, золотым, как

мука, чёрным, как уголь, фиолетовым, как вечернее небо. Рядом с часами — катушки с

нитьями, которые мерцали, будто их пряли из лунного света. Коробочки с бирками, на

которых были написаны даты. И странные механизмы, похожие на части часов:

шестерёнки, маятники, пружины — но всё немного не такое, как должно быть. Чуть неправильное.

Кира шла между полок, и ей казалось, что часы следят за ней. Не все — только

некоторые. Те, у которых песок тек. Они стояли ровно, но стоило ей пройти мимо, как

песок внутри менял направление — будто часы поворачивались ей вслед.

За прилавком стоял старик. В серой рубашке, в очках с тонкой оправой. Лицо было

спокойным, морщинистым, как старая карта, на которой

каждая линия — это дорога,
которую кто-то прошёл. Он смотрел на Киру так, будто
знал, зачем она пришла. И не
просто знал — а будто ждал.
— Тебе нужно время, — сказал он. Не спросил. Утвердил.
Голос у него был спокойный, без нажима, как у человека,
который тысячу раз
произносил эти слова и знал, что они всегда попадают в
цель. Не громкий, не тихий —
такой, что слышно даже в шумной комнате, но в тишине
он звучал особенно ясно.

Кира кивнула. Голос куда-то пропал, как будто остался на
улице, за дверью.

— У меня есть три дня, — сказал старик. — Три дня фо-
куса. Ты сможешь работать без
отвлечений. Ты будешь видеть каждую деталь, каждую ли-
нию, каждый оттенок. Ты

сдашь обложку. — Он сделал паузу. — Но цена будет.
— Какая? — наконец выдавила Кира. Голос был хрип-
лым, будто она долго молчала.

Старик улыбнулся. Не зло. Не хитро. А как человек, ко-
торый давно привык к этой
делке и знает, что она неизбежна.

— Воспоминание. Не важное. Не болезненное. Просто
один вечер. Один случайный
вечер, который ты почти забыла. Ты забудешь, что делала

в тот день. Как будто его
никогда не было.

Кира подумала. Всего один вечер. Вечер, который она и так почти не помнила.

Какой-то осенний день, какой-то обыденный вечер — домой, ужин, телевизор, сон.

Ничего особенного. Ни дня рождения, ни свидания, ни важного разговора. Просто

время, которое она всё равно бы забыла.

А взамен — три дня фокуса. Три дня, когда она сможет работать так, как умеет. Когда

рука будет слушаться, глаз будет видеть, а голова — наконец-то — будет тихо. Без

этого бесконечного шума: «ты не успеешь», «ты не справишься», «ты уже не

попадаешь в ритм».

— Хорошо, — сказала Кира. — Я согласна.

Старик кивнул. Он протянул руку и достал с полки песочные часы. Фиолетовые. Стекло

было матовым, будто его потерли тканью, а песок внутри — глубокого фиолетового

цвета, как вечернее небо перед грозой.

— Держи, — сказал он. — Они покажут, сколько времени у тебя осталось.

Кира взяла часы. Они были тёплыми, будто их только что держали в ладонях.

Тёплыми и тяжёлыми — не тяжёлыми от веса, а от чего-то другого, от чего-то, что она не могла объяснить. Как будто внутри них было не время, а что-то живое.

— И ещё, — добавил старик, и голос его стал тише, будто он говорил не ей, а кому-то за её спиной. — Помни: время — это сеть. Тянешь за одну нить — шевелится вся ткань.

Кира хотела спросить, что это значит. Открыла рот, но слова застряли где-то на полпути — между мыслью и звуком. Как будто воздух в лавке был слишком плотным для вопросов.

— Иди, — сказал старик. — У тебя есть три дня.

Кира повернулась и пошла к двери. На полпути оглянулась — старик стоял за прилавком и смотрел на неё. Очки блеснули в тусклом свете, и Кира увидела в них отражение — не своё, а чьё-то другое. Кто-то стоял позади неё. Но когда она обернулась — за ней никого не было.

Она вышла. Дверь закрылась за ней тихо, без звука, будто не толкнулась, а прошла сквозь.

Когда Кира обернулась, чтобы ещё раз посмотреть на вы-

веску, её уже не было. На

стене висела старая табличка «Ателье», стекло было мутным, будто его не мыли

годами. Дверь — та самая, из тёмного дерева — была заколочена. На пороге лежали

прошлогодние листья.

Кира моргнула. Потёрла глаза. Посмотрела ещё раз.

Стена. Просто стена.

Она постояла ещё минуту, будто ждала, что вывеска появится снова. Но стена

молчала. Только ветер шевелил листья на пороге, и они шуршали, как песок в часах.

Кира сжала фиолетовые часы в ладони и пошла домой. Быстрым шагом, почти

бежала. Не от страха — от странного, непонятного ощущения, что если она не дойдёт

до квартиры сейчас, то что-то случится. Что-то, чего она не сможет отменить.

Дома она поставила часы на тумбочку. Песок в них начал течь.

Вверх.

Не вниз. Вверх.

Кира смотрела на это и не верила. Песок полз вверх, крупинка за крупинкой, медленно,

упрямо, будто издеваясь над гравитацией. Тихий шуршащий звук, как будто кто-то

сыпал зерно на стекло.

— Это невозможно, — прошептала Кира.

Она перевернула часы. Песок замер. На секунду повисел в воздухе, будто не знал,

куда ему теперь падать, а потом снова медленно пополз вверх.

— Это бред, — сказала Кира, но голос дрожал.

Она поставила часы обратно на тумбочку, легла в кровать, натянула одеяло до

подбородка. Закрыла глаза. Но сон не шёл. В голове крутилось: вывеска, полки,

старик, фиолетовый песок, который течёт вверх. «Время — это сеть». Что это значит?

Сеть — это что-то, что связывает. Что-то, что тянешь — и шевелится другое. Но что связано? И кто тянёт?

Кира лежала и слушала шорох песка, пока усталость не победила.

Утро началось с света. Солнце било в окно, нагревало подушку, и Кира проснулась с

ощущением, что что-то изменилось. Не снаружи — внутри. Голова была чистой. Не

«отдохнувшей» — а именно чистой, как комната, из которой вынесли весь хлам и вымыли полы.

Она села на кровать, посмотрела на тумбочку. Часы стоя-

ли. Песок по-прежнему полз

вверх. Кира решила не думать об этом. Не сейчас.

Она подошла к столу, открыла ноутбук. Макет обложки висел на экране — тот самый,

над которым она мучилась три дня. И вдруг она увидела его иначе. Не как проблему, а

как задачу. Линию, которую нужно было чуть сдвинуть влево. Цвет, который нужно

было приглушить на полтона. Акцент — маленький, но именно его не хватало —

поставить вот сюда, на край, где взгляд цепляется и задерживается.

Руки двигались быстро. Пальцы знали, куда вести курсор. Глаз видел каждый пиксель,

каждую тень, каждый переход. В голове не было шума. Тишина — но не пугающая, а

рабочая, как тишина в мастерской, где мастер точит инструмент.

Через три часа обложка была готова.

Кира смотрела на неё и не узнавала. Не потому что была плохой — а потому что была

слишком хорошей. Она не помнила, когда в последний раз работала так легко. Как

будто кто-то другой рисовал за неё — кто-то, кто не сомневается, не боится, не устаёт.

Через четыре часа телефон пискнул. Артём: «Кир, это

просто огонь. Клиент в восторге,

уже репостнул на все площадки. Ты гений».

Кира улыбнулась. Но улыбка получилась какой-то чужой, будто она принадлежала

кому-то другому. Тому, кто работал за неё эти три часа.

Тому, кто не сомневался. Тому,

кто не помнил, чем заплатил.

Кира встала, подошла к окну. Город жил: люди шли, машины ехали, у ларька с

выпечкой стояла очередь. Обычный день. Обычный Нижний. Всё как всегда.

Кроме одного.

Кира попробовала вспомнить тот вечер — тот, который отдала. И не смогла.

Не «забыла». А именно «не смогла». Там, где должно было быть воспоминание, была

тишина. Не туман, не размытость — а именно тишина.

Как в комнате, где все звуки

выключили кнопкой. Кира знала: вчера у неё был вечер.

Она была дома, ела, смотрела

что-то, легла спать. Но что именно — не помнила. Ни одной детали. Ни запаха, ни

звука, ни образа. Ровная, аккуратная пустота, как будто

кто-то вырезал кусок плёнки и

склеил концы так, что шва почти не видно.

Она села на кровать. Посмотрела на фиолетовые часы на

тумбочке. Песок полз вверх.

Медленно, упрямо, шурша, будто шептал: «Время пошло».

— Что я наделала? — прошептала Кира.

Но ответа не было. Только тихий шорох песка, который будто говорил: «Теперь ты знаешь. Это не магия. Это обмен. И он уже начался».

Кира сидела на кровати и смотрела, как фиолетовый песок полз вверх, крупинка за крупинкой, против всего, что она знала о мире, против гравитации, против здравого смысла. И понимала: назад уже нельзя. Сделка заключена. Время пошло. И оно течёт не туда.

Глава 2. Пустое место

Утро началось не с кофе. Оно началось с песка.

Кира проснулась от тихого шуршания — сухой, едва слышный звук, будто кто-то сыпал что-то тонкой струйкой на стекло. Она открыла глаза, и первое, что увидела, были часы. Те самые, фиолетовые. Они стояли на тумбочке, и песок в них по-прежнему тек вверх. Медленно, упрямо, как будто издеваясь над всем, что Кира знала о мире.

Шур-ш-ш.

Она моргнула. В комнате было светло. Солнце уже стояло

высоко, за окном голубело

небо — чистое, осеннее, без единого облака. Где-то внизу
сигналила машина, вдалеке

прошуршал трамвай, на лестничной клетке хлопнула
дверь соседей. Обычный город.

Обычный день.

А на тумбочке — необычное.

Кира протянула руку, взяла часы. Они были тёплыми, как
будто их только что держали

в ладонях. Песок внутри продолжал ползти вверх, кру-
пинка за крупинкой, не торопясь
и не останавливаясь.

«Это сон», — подумала она. — «Я просто ещё сплю. Сей-
час встану, умоюсь, и всё

будет как обычно. Часы — это просто часы. Песок — это
просто песок. А вчерашний
вечер — это просто сон».

Она перевернула часы. Песок замер. На секунду повисел
в воздухе, будто не знал,

куда ему теперь падать, а потом снова медленно пополз
вверх.

— Да ладно, — сказала Кира вслух. Голос прозвучал
хрипло, будто она долго молчала.

— Это бред.

Но часы были настоящими. Шероховатое стекло, латун-
ные ободки, тяжесть в ладони

— всё это было настоящим. И пугало не то, что они существовали. А то, что Кира помнила, как они появились. Помнила лавку, полки, старика, его голос: «Тебе нужно время». Помнила, как согласилась. Как взяла часы. Как вышли.

А того, что было до лавки — того вечера, который она отдала, — не было. Там, где должно было быть воспоминание, зияла тишина. Не туман, не размытость — а именно тишина. Как в комнате, где все звуки выключили кнопкой. Кира поставила часы обратно на тумбочку, встала, прошла на кухню. Чайник щёлкнул, выключился. Она налила воду в кружку, бросила пакетик чая — тот самый, который уже третий день лежал в коробке, — и села на табурет. И только тут поняла: она не помнит, как вчера легла спать. Не «забыла». А именно «не помнит». В памяти был вечер: ужин у телевизора, душ, зубы. Потом кровать. Потом — пустота. Как будто кто-то вырезал кусок плёнки. И на месте этого куска — ровная, аккуратная склейка. Ни шва, ни морщинки. Просто — ничего.

«Воспоминание исчезнет», — всплыли в голове слова старика. — «Не потому что

забудешь — а потому что его больше не будет».

Кира сделала глоток. Чай был горьким. Она привыкла пить горький чай, но сегодня горечь казалась другой — не от заварки, а от чего-то внутри.

Она встала, подошла к окну. С балкона был виден кусочек города: крыши домов,

шпиль какой-то церкви, полоса реки на горизонте. Ветер трепал верёвку для белья, на

которой висело что-то старое, серое. Люди шли по тротуарам — кто-то торопился,

кто-то разговаривал по телефону, кто-то тащил сумки из магазина. Город жил, как

будто ничего не случилось.

А у неё из памяти вырезали кусок.

И самое странное — мир от этого не изменился. Ничего не рухнуло, не взорвалось, не

перевернулось. Просто один вечер исчез. Один маленький, ничтожный, случайный

вечер. Как будто он и не имел значения.

Но Кира чувствовала: имел. Где-то там, в этой пустоте, было что-то важное. Не факт,

не событие — а ощущение. Какое-то тепло. Какой-то свет. Она не могла его ухватить,

не могла вспомнить, но знала: оно было.

И теперь его не было.

Телефон пискнул. Сообщение от Артёма: «Кир, привет! Слушай, обложка просто огонь».

Клиент в восторге, уже репостнул на все площадки. Ты гений. Если есть силы, глянь ещё баннеры для соцсетей — там три штуки, ТЗ скину». Кира улыбнулась. Почти искренне.

«Гений», — подумала она. — «Который продал воспоминание за дедлайн».

Но обложка действительно была хорошей. Лучше, чем она помнила. Лучше, чем она

могла бы сделать обычно. Как будто её нарисовал кто-то другой — кто-то, кто не

сомневается, не боится, не устаёт. Кто-то, кому не нужно время, потому что он и так

знает, что делать.

Кира ответила: «Ок, скину через пару часов».

Потом надела джинсы, футболку, накинула джинсовку и вышла. Ей нужно было

убедиться. Нужно было увидеть, что она не сошла с ума. Что вчерашняя лавка — не

сон, не бред от недосыпа, не галлюцинация от усталости.

Или наоборот. Что всё это ей привиделось, и на самом деле ничего не было. И часы —

это просто часы, купленные в каком-то антикварном магазине, о котором она забыла.

И пустота в памяти — это просто усталость. Просто

стресс. Просто дедлайн.

Переулок встретил её тишиной.

Как только Кира свернула с Ильинской, шум города будто убавили на регуляторе. Не

исчез — остался где-то за спиной, но здесь, между старыми двухэтажками с

облупившейся штукатуркой, было тише. Намного тише. Даже ветер сюда не доходил

— только шевелил листья на ветке, которая свисала через забор.

Она остановилась.

Там, где ночью горела вывеска из тёмного дерева «Лавка Времени», теперь была просто стена.

Старая, серая, с пятнами сырости. Одна дверь — заколочена досками. На другой —

пыльная табличка «Ателье», и стекло в ней было мутным, будто его не мыли годами.

За стеклом — темнота. Никакого света, никакого движения.

Никакой вывески. Никакой двери из тёмного дерева. Никакого мерцающего янтарного фонаря.

Просто стена.

Кира подошла ближе. Провела рукой по кирпичу. Холодный, шершавый, настоящий.

Под пальцами осыпалась штукатурка, и на землю упали

белые крошки.

Она наклонилась, посмотрела на порог. Пыль, прошлогодние листья, окурки. Никто не входил и не выходил отсюда давно. Может, месяц. Может, год.

— Этого не может быть, — прошептала Кира.

Но это было.

Она обошла переулок, заглянула в каждый угол, постучала в заколоченную дверь — просто чтобы услышать звук. Глухой, пустой. За дверью — ничего. Ни лавки, ни полук, ни старика.

Кира прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Сердце стучало быстро, но не от

страха — от злости. На себя. На то, что поверила. На то, что согласилась. На то, что

отдала воспоминание за три часа фокуса, а теперь даже не может доказать, что лавка существовала.

Но часы. Часы-то были настоящими. Они лежали у неё в кармане джинсовки, тёплые и

тяжёлые, и песок в них шёл вверх. Это не сон. Не галлюцинация. Это — вещь.

Реальная, осязаемая, физическая.

Кира вытащила часы, посмотрела на них. Фиолетовый песок полз вверх. Медленно,

спокойно, будто ему плевать на законы физики.

Она сжала часы в ладони и пошла домой.

Обратно шла быстро, почти бежала. Ветер бил в лицо, волосы лезли в глаза, но она не убирала их. Ей нужно было чувствовать что-то обычное, земное. Асфальт под ногами.

Холод в лёгких. Запах выхлопных газов из проезжавшей машины. Всё, что доказывало:

мир на месте. Мир не изменился. Это она изменилась.

Дома Кира села за ноутбук. Артём прислал ТЗ: три баннера, яркие, цепляющие, с

акцентом на «эмоции в отношениях». Она открыла файл, посмотрела. Обычная

работа. Привычная. Она знала, как делать баннеры. Делала их сотни.

Но руки не слушались. Не потому что не умели — а потому что голова была в другом

месте. Мысли крутились вокруг одного: если лавки нет днём, значит, она появляется

только тогда, когда тебе нужно время. И если она появляется только тогда — значит,

сделка настоящая. И воспоминание действительно исчезло. И старик — настоящий. И

«время — это сеть» — не пустые слова.

Кира открыла папку с эскизами обложки — той самой, которую сдала вчера. Нажала

«Открыть».

Файл загрузился. На экране — та самая обложка. Та, которую она четыре раза переделывала. Но теперь она выглядела иначе.

Нет, цвета были те же. Композиция — та же. Акцент — на том же месте.

Но Кира не узнавала её.

Раньше, когда она смотрела на эту обложку, ей казалось, что в ней есть что-то от неё

самой. Какой-то её нерв, её усталость, её попытка сказать: «Я старалась. Я вот тут

мучилась. И вот тут — обрадовалась, когда получилось».

Теперь она смотрела на неё и видела только идеальную картинку. Без души. Без

нервов. Без мучений. Как будто её нарисовал алгоритм — точный, быстрый,

безошибочный, но мёртвый.

«Клиент доволен», — напомнила себе Кира. — «Это главное».

Но ей от этого не становилось легче.

Она закрыла обложку, открыла ТЗ на баннеры. Стала работать. Пальцы двигались,

курсор скользил, цвета ложились на холст. Но всё было механически. Как будто она

рисовала по инструкции, а не по чувству. Каждый баннер получался правильным —

ровные линии, точные пропорции, удачные композиции.
И совершенно мёртвым.

Кира отодвинулась от стола, посмотрела на экран. Три баннера. Три идеальных, безупречных, мёртвых баннера.

— Что со мной? — спросила она тихо.

Ответа не было. Только шорох песка из часов на тумбочке. Фиолетовый песок полз

вверх и шуршал, будто разговаривал с ней. Будто говорил: «Ты знаешь, что. Ты отдала это. Ты отдала то, что делало работу твоей. Теперь она — просто работа».

Телефон снова пискнул. Новое сообщение от Артёма: «Кир, слушай, тут ещё одна

просьба. У нас в подкасте есть гость — он рассказывает про память и амнезию. Я

подумал, может, ты сделаешь к этому выпуску какую-то метафоричную штуку? Типа

„пустое место в памяти“. Что-то такое. Если не хочешь — не надо, я пойму».

Кира замерла.

«Пустое место в памяти».

Как будто кто-то подслушал её мысли. Или не подслушал. А просто знал, что она

теперь живёт с этой пустотой. Что у неё внутри — именно это: пустое место.

Аккуратное, ровное, как комната, из которой вынесли мебель.

Она написала: «Ок. Сделаю».

А потом закрыла ноутбук и пошла на балкон.

С балкона был виден тот же кусочек города: крыши, шпиль, река. Но сегодня всё

выглядело иначе. Не хуже, не лучше — а чуть сдвинутым. Как будто кто-то повернул

мир на один градус, и этого достаточно, чтобы всё казалось знакомым, но не своим.

Деревья — те же, но тени лежат не там, где обычно. Дома — те же, но свет на них

падает под другим углом. Люди — те же, но идут чуть медленнее, будто у них больше времени, чем у неё.

Кира стояла и смотрела, пока не почувствовала, что может дышать. Потом вернулась в

комнату, села на кровать. Посмотрела на часы. Фиолетовые. Песок вверх.

Она попыталась снова вспомнить тот вечер. Тот, который исчез. Сконцентрировалась,

закрыла глаза, напряглась — как будто пыталась расслышать звук в шумной комнате.

Тишина.

Не пустая тишина — а заполненная. Как будто кто-то стоял рядом и молчал. Как будто

воспоминание не исчезло, а спряталось. За стеной, за стеклом, за какой-то тонкой, невидимой преградой, через которую Кира не могла пробиться.

Она открыла глаза. На тумбочке, рядом с фиолетовыми часами, лежал листок бумаги.

Кира замерла.

Этого листка здесь не было. Она точно знала. Минуту назад на тумбочке стояли только часы. Никакого листка.

Она взяла его. Бумага была тёплой, будто её только что держали в руках. На листке было написано одно слово: «Марк».

И ниже, мелким, аккуратным почерком, будто выводил кто-то старательный и очень спокойный: «Ты не одна».

Кира перевернула листок. На обороте — ничего. Просто белая бумага.

Она посмотрела по сторонам. Комната была пуста. Дверь закрыта. Окно закрыто.

Никто не входил.

Но листок был. Тёплый, настоящий, с её именем — нет, не с её именем. С чужим.

«Марк».

И два слова, от которых стало одновременно легче и страшнее: «Ты не одна».

Кира сжала листок в ладони. И в этот момент поняла: если она не одна — значит, есть

кто-то, кто знает. Кто тоже платил. Кто тоже терял. Кто тоже просыпался с пустотой в голове и не знал, что с ней делать.

И если этот кто-то существует — его нужно найти.

Вечером Кира легла спать рано. Устала. Не физически — морально. Как будто весь

день таскала на плечах что-то тяжёлое, а теперь наконец-то поставила это на пол.

Губы были липкими, голова гудела, но тело было лёгким — как будто из него вынули кости и оставили только кожу и дыхание.

Перед сном она снова попыталась вспомнить то самое воспоминание. Закрыла глаза,

напряглась. Но там по-прежнему была тишина. Тёплая, плотная, как одеяло, под которым ничего нет.

Она уснула.

И увидела сон.

Снова «Лавка Времени». Но теперь она была другой. Темнее. Тише. Полки уходили не

в стороны, а вверх, теряясь в темноте, будто стены были бесконечными. А может, это

не стены были бесконечными, а полки — на них стояли тысячи часов, и все тикали, и

все шуршали, и звук был как шёпот толпы, в котором не разобрать ни слова.

Старик сидел за прилавком. Он не смотрел на Киру. Он держал в руках что-то —

листок бумаги? — и что-то писал. Потом поднял голову, и Кира увидела, что у него в

руках — тот самый листок. С именем «Марк».

— Ты пришла, — сказал он. Не удивлённо. Констатация факта.

— Я не приходила, — ответила Кира. — Я сплю.

— Сон — это тоже дверь, — сказал старик. — Только открывается в другую сторону.

Кира шагнула ближе. Пол под ногами скрипнул — старый, деревянный, как в доме,

который давно не ремонтировали.

— Кто такой Марк? — спросила она.

Старик положил листок на прилавок. Рядом с ним — тем же аккуратным почерком —

появилось имя: «Кира». Два имени, бок о бок. Как две точки на карте, соединённые линией.

— Тот, кто тоже искал время, — сказал старик. — Но он искал не для себя. Для кого-то другого.

— Для кого?

Старик не ответил. Он подошёл к полке — медленно, как

человек, у которого много

времени и нигде не нужно быть, — и снял с неё часы. Другие. Не фиолетовые. Чёрные.

С серебристым песком, который блестел в тусклом свете, как мелкая крошка льда.

— Время всегда связано, — сказал он. — Одно воспоминание исчезает — другое

появляется. Одна сделка влияет на другую. Ты не одна в этой лавке. Ты никогда не была одна.

Он протянул часы Кире.

— Это не подарок, — сказал он. — Это предупреждение. В этих часах — время,

которое кто-то украл. Не у тебя. Но оно влияет на тебя. Потому что время — это сеть.

Тянешь за одну нить — шевелится вся ткань.

Кира взяла часы. Они были холодными. Не как фиолетовые — те были тёплыми,

живыми. Эти — холодными, тяжёлыми, как кусок зимы. Серебристый песок внутри тек

вниз, но как-то неправильно — с паузами, с рывками, будто спотыкался. Будто не знал, куда ему падать.

— Что мне делать? — спросила она.

Старик улыбнулся. Не радостно. А так, будто знал что-то, чего не знала она. Что-то,

что она узнает позже. Может, завтра. Может, через год.

— Ты уже сделала, — сказал он. — Ты пришла. Ты увидела имя. Теперь ты знаешь: ты не одна. И это самое важное.

Кира хотела спросить ещё. Где найти Марка? Что значит «время — сеть»? Что будет

дальше? Но слова застряли в горле, как будто воздух в лавке был слишком густым для

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.